

НА ПУТИ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.С. Макаренко

Гётц Хиллиг,

*приват-доцент истории педагогики Марбургского университета,
вице-президент Международной макаренковской ассоциации, иностранный
член АПН Украины и Российской академии образования,
доктор философских наук, Германия*

Разработка научной биографии А.С. Макаренко является одной из острых потребностей макаренковедения. Данная задача требует широкое использование не только историко-биографической литературы, архивных материалов и публикаций о педагоге-писателе и его деятельности, воспоминаний соратников и очевидцев, но также и релевантных источников о правительственных и партийных решениях по вопросам народного образования и литературной политики во время его жизни. Решающее значение при этом имеет систематическая оценка произведений Макаренко ввиду степени их соответствия истинности. Сюда же включены многие неточности и преувеличения.

Касательно последнего, необходимо учесть ещё один важный момент: в процессе анализа советских собраний макаренковских сочинений выяснилось, что официальные издания АПН РСФСР (СССР) в семи и восьми томах (с 1950 по 1986 гг.) не соответствуют нормам источниковедения и требованиям текстологии. Так, сотрудники марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» обнаружили многочисленные редакторские вторжения

в смысл и стилистику авторских текстов, их изменение, сокращение и даже произвольные вставки. В значительной мере это касается особенно важных в педагогическом отношении стенограмм выступлений А.С. Макаренко: подлинник частично искажается в угоду конъюнктурной политической идеологии.

Это побудило автора данного материала к подготовке издания стенограмм всех известных на сегодняшний день публичных выступлений А.С. Макаренко в период с 1936 по 1939 гг. Речь идёт о 22 документах, которые впервые печатаются в аутентичном виде, а именно на основе соответствующих стенограмм из наследия педагога-писателя. Книга выходит в свет в IV квартале 2012 г. в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина.

В ходе работы над этим изданием удалось раскрыть большое количество новых релевантных биографических фактов, которые в виде примечаний вошли в комментарии к елецкому сборнику. В настоящей публикации читатели альманаха «Макаренко» имеют возможность ознакомиться с собранием особенно важных из тех примечаний, с помощью которых удаётся создать панораму определённых макаренковских подлогов, намеков, умолчаний, а также проследить путь к их поправкам.

1. Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения в Москве (начало августа 1936 г.). Российский госархив литературы и искусства (ссылки как на: РГАЛИ), 332-4-188, лл. 34-38.

Прим. 2: «*Возьмём теперешнюю школу. Хотя бы советскую образ[овую] школу № 2 им. Ворошилова. Там ведь нет колллектива. Ссоры, сплетни, разговоры*». Макаренко 11.02.1936 г. «на собрании учащихся VII—X классов 2-й образцовой московской школы им. К.Е. Ворошилова» выступил о «Педагогической поэме» («ПП») (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е, переработ. Л., 1961, с.114).

Прим. 5: «*Я объезжал Киевскую область, в[о] многих детских домах мне пришлось снять железные решётки на окнах*». Речь идёт о деятельности Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве (см. док. № 2, прим. 9).

Прим. 6: *Большевская коммуна* — организованная в 1924 г. трудкоммуна № 1 ОГПУ (НКВД СССР) им. Ягоды, в 1920/30-х гг. всемирно известное учреждение для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, «старший брат» макаренковской «Дзержинки»; см. также док. № 5, прим. 29, 38.

Прим. 10: «*В коммуне им. Дзержинского настоящая десятилетка*». Такая полная средняя школа в «Дзержинке» была организована лишь с начала 1934/35 уч. года — вместо рабфака Харьковского машиностроительного института при коммуне, который работал с 1930 по 1934 гг. и являлся гордостью Макаренко. Как следует из документа «О школьном комбинате коммуны им. Ф.Э. Дзержинского», составленного начальником её педагогической части Макаренко, по всей вероятности, летом 1934 г. (см.: Макаренко А.С. Педагогические сочинения в восьми томах [ЛС]. Т. 1. М., 1983, с. 204, 358), с начала нового уч. года старшие классы общеобразовательной школы были открыты в составе «школьного комбината», включавшего, кроме семилетки (кл. III—VII), оптико-механическое и индустриальное отделения техникума и старший концентр десятилетки в составе VIII, IX и X кл. О десятилетке «Дзержинки» Макаренко упоминает также в статье «Справа партії (Дело партии)» (газ. «Юний піонер», 1936 г.,

№ 10, 12.09, с.2). Умалчивание о существовании рабфака при коммуне в настоящем и всех других выступлениях педагога-писателя 1936—1939 гг. можно толковать как реакцию на изменение политики СССР по поводу среднего образования в середине 1930-х гг., в связи с чем рабфаки были упразднены (Российская педагогическая энциклопедия в двух томах. Т. 2. М., 1999 [РПЭ 2], с. 236—37, здесь — с. 237).

Прим. 11: «*Вот я был в 25-й образц[овой] школе. Там на каждом шагу можно слышать: «мой папа нарком», «мой папа комкор», «мой папа редактор*». Данная школа была расположена в центре столицы (организована в 1931 г. из школ №№ 38 и 68). В середине 1930-х гг. школа № 25 олицетворяла собой всё то, чем должна была являться советская школа. Сталин выбрал это учебное заведение для своего младшего сына Василия и дочери Светланы, т.к. школа славилась отменным порядком и дисциплиной (см. сб.: «Иосиф Сталин в объятиях семьи: из личного архива». М., 1993, с. 45—48). Там дети вождя учились вместе с детьми высших руководителей СССР: Молотова, Бубнова и проч., а также авиаконструктора А.Н. Туполева, учёного-энциклопедиста О.Ю. Шмидта. По оценке американского учёного Ларри Ю. Холмса, «обширные фонды, квалифицированные учителя и общественная известность превратили школу № 25 в учреждение, которое символизировало и узаконивало сталинское образование, сталинизм и СССР» (см.: Holmes L.E. Stalin's School. Moscow's Model School No. 25. 1931—1937. Pittsburgh, 1999). Достоин обсуждения факт, что и Макаренко после переезда с семьёй в Москву определил в эту школу свою племянницу Олимпиаду, о чём она рассказывала составителю данного издания в 1970 г. Не исключено, что педагог-писатель посетил две вышеупомянутые столичные образцовые школы в 1936 г., чтобы найти адекватное учебное заведение для опекаемой.

Прим. 13: «Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци». Примечательна редакция этой фразы в публикации данного выступления в сб. «А.С. Макаренко». Кн.7, Львов, 1969, с. 142–47: «И в нашем творчестве мы должны брать в образец большевика, а не Песталоцци».

2. Встреча с читателями Московского завода «Шарикоподшипник» им. Л.М. Кагановича (25.10.1936 г.). РГАЛИ, 613-1-871.

Прим. 3: «Поэтому написанная мною книга пролежала 5 лет, пока я решился — под большим нажимом и после энергичных требований А.М. Горького — отдать её в печать». Рукопись первого варианта «ПП» Макаренко весной/летом 1933 г. переработал при финансовой поддержке Горького (5.000 руб.), которая дала ему возможность провести отпуск в Гаграх в доме отдыха Литфонда ССП СССР; см.: Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание. Под ред. Г. Хиллига при участии С.С. Невской. Марбург, 1990; OPUSCULA MAKARENKIANA (OM), №11 (Переписка), с. 171. Переработанную рукопись педагог в сентябре того же года в Москве передал писателю для публикации.

Прим. 6: «[...] в своей книге ни разу не упомянул слова «педология»». Данное высказывание не совсем верно, потому что в 1-й части «ПП» (гл. «Шарин на расправе») содержится критическое замечание о педологии. Однако в другом месте (2-я часть, гл. «Осень») речь идёт о редакторском изменении авторского текста, которое было проведено после постановления ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. Имеется в виду дискуссия между инспектором Наркомпроса Джуриной и завколом Макаренко: « — Не читаете педагогической литературы? Вы серьёзно говорите? / — Не читаю вот уже три года. / — Но как же вам не стыдно? А вообще читаете? / — Вообще читаю. И не стыдно, имейте в виду. И очень сочувствую тем, которые читают педагогическую литературу». Во всех советских изданиях

«ПП», начиная с 1937 г. и оканчивая 1984 г. (ПС 3, с.254), вместо «педагогическая» литература говорится «педологическая» (см.: Makarenko A., Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe [GW]. Bd.4. Stuttgart, 1982, с. 143, 273).

Прим. 9: «[...] мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробраза некоторые колонии для правонарушителей». Отдел трудколоний (ОТК) НКВД УССР, где Макаренко занял пост помощника начальника и начальника отделения учебно-воспитательной работы, был организован летом 1935 г. В его подчинении находились 12 трудколоний, переданных — согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» — в управление НКВД из Наркомпроса, а также 19 приёмников-распределителей для несовершеннолетних. Трудкоммуны НКВД УССР им. Дзержинского и им. Балицкого были переведены в распоряжение ОТК лишь в январе 1936 г. — за исключением их промышленных подразделений, которые остались в ведении Админхозуправления (АХУ) НКВД. На Украине в ведение Отдела не входили трудколонии из системы ГУЛАГа, отличавшиеся закрытостью, суровым бытом и жёсткими порядками. Почти все подобные гулаговские учреждения были сосредоточены в «братских республиках» — в России и Казахстане (см.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000; OM, №22 [Абаринов/Хиллиг], с. 27).

Прим. 10: «Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов, т.е. наиболее образованных, прекрасных, с их точки зрения, педагогов, — это одна киевская колония». Речь идёт о трудовой колонии НКВД УССР № 6 в Броварах, под Киевом, которой Макаренко руководил с октября 1936 г. по январь 1937 г. по совместительству, работая в ОТК.

Прим. 11: «И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии». В п. 7 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. говорится: «Обязать наркомпросы союзных республик разработать правила внутреннего распорядка в детских домах, определив в них как меры поощрения за хорошее поведение воспитанников, так и меры наказания за совершаемые проступки» («Правда», 1935 г., № 149, 31.05, с. 3).

Прим. 12: «Вот, например, 7 апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права». По постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» ответственность по некоторым видам преступлений начиналась с 12 лет.

Прим. 14: «Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве. Она так и называется — «Книга для родителей». Это заявление не соответствовало действительности — «Кдр» в тот момент ещё не была закончена, что также следует из дальнейшего выступления докладчика.

Прим. 24: «Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт [...]». Это не соответствует фактам: отец педагога-писателя С.Г. Макаренко умер 27.02.1916 г., т.е. на втором году учёбы А.С. в Полтавском учительском институте.

Прим. 25: «С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове». Здесь Макаренко имеет в виду ж.д. училище, которым он руководил с 1917 по 1919 г. Крюковские мастерские лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

Прим. 26: «Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти». Занятие Крюкова деникинской До-

бровольческой армией произошло 10.08.1919 г. (Рад. енциклопедія історії України, т.2. Київ, 1970, с. 501).

Прим. 27: «Я пошёл в народную школу в Полтаве учителем». Приглашение «на должность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина», датированное «7/IX 1919 г.», Макаренко получил в Крюкове, когда ещё работал на посту «инспектора Соединённого железнодорожного училища на ст. Крюков Юж.ж.д.» (РГАЛИ, 332-4-360, л. 1). Полтава была захвачена деникинской армией уже 29.07.1919 г.; таким образом, он в сентябре того же года переехал из «белого» Крюкова в «белую» Полтаву. Утверждение докладчика, что он в этом городе работал не заведующим, а учителем одного из городских училищ, можно проследить также и по его анкетам, начиная с 1923 г.

Прим. 28: «В Киеве строится образцовая колония, которая должна быть чем-то вроде коммуны им. Дзержинского. Мы ходатайствуем, чтобы ей дали имя Павла Петровича Постышева». Постышев П.П. (1887—1939), с 1933 по 1937 г. — секретарь ЦК ВКП(б) Украины.

Прим. 29: «[...] они [дзержинцы] государству дают ежегодно 8 миллионов чистой прибыли». Точных данных о «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» во время деятельности Макаренко не имеется. Однако в документе «Всесоюзная регистрация (перепись) предприятий социалистической промышленности на 1/1 1936 г.» по поводу «Трудкоммуны им. «Дзержинского» (Харьков)», предприятия «фотоплёночное и электросверлилки», упоминается следующий заработанный в 1935 году доход: 15.400.200 рублей (Держ. арх в Харк всько област [ДАХО], Р-4511-1-16., л.3 с об.).

Прим. 32: «Воспитывают они (чекисты) не только детей, но и взрослых.

Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворён». Как свидетельствует фотография Макаренко вместе с сотрудниками библиотеки «Шарикоподшипника» (опубликованная в многотиражке «За советский подшипник», 1936, № 199, 03.11, с.4), он в Москве носил форму помначотдела НКВД, которую для «операдминистрации» ГУЛАГа и ОТК повсеместно ввели приказом наркома Ягоды лишь 25 июня 1936 г. (Абарин/Хиллиг, с. 162–64).

Прим. 33: *«Особенно меня стали ругать в 1930 г., когда я в «Дзержинке» возился, возился с воспитателями, а потом взял и в один день снял всех». См. Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков. Харьков, 1932 (Вт.р.), с. 24: «[1930 год]. Октябрь 16. «Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести комму-ну». Данное место из хроники «Перевернутые страницы» в семитомнике «Сочинений» АПН РСФСР (С) изменено таким образом: «[...] что они уже могли в дальнейшем сами поддерживать в коммуне установленный порядок и дисциплину». (С 2 [1951], с.410). Ответственный редактор В.Е. Гурман в беседе с составителем данного издания (в 1973 г.) обосновывал «уточнение» текста тем, что теперешние советские читатели уже не в состоянии понимать значение макаренковской формулы: «сами вести комму-ну».*

Прим. 34: *«За это меня тоже начали по-калывать — как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов?» О «ведущей роли педагогов» речь идёт в постановлении ЦК ВКП(б) от 25.08.1931 г. «О начальной и средней школе», опубликованном в «Правде» от 05.09 того же года (№ 245, с. 1). Здесь «снижение роли учителя» осуждается как «левый уклон».*

Прим. 35: *«И сейчас новую большую колонию на 1.000 чел. я думаю организовать без единого воспитателя. Я организую*

там комсомольскую организацию. Кое-кого из старых комсомольцев я уже перетаскил». Об упомянутом здесь проекте организации новой колонии НКВД УССР им. Постышева (см. Прим. 28) до сих пор ничего неизвестно. По всей вероятности, после снятия секретаря ЦК ВКП(б) Украины Постышева и наркома внутренних дел УССР Балицкого с их должностей (летом 1937 г.) ОТК НКВД от таких планов отказался.

Прим. 36: *«Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место — как можно человека штамповать?» Аналогии между процессами воспитания и производства, содержащиеся в 3-й части «ПП» (гл. «У подошвы Олимпа»), были раскритикованы некоторыми рецензентами. Поэтому настоящее высказывание из изданий данного произведения, вышедших в 1937 г., исключено, однако в посмертные издания оно вновь включено (см.: GW 5, с. 308).*

Прим. 41: *«Я не мог бы дать слова Калины Ивановича, если бы я не записывал некоторые его фразы». Записные книжки Макаренко 1920-х годов, в которых зафиксированы «слова Калины Ивановича», к сожалению, не сохранились.*

3. Диспут в Московском областном педагогическом институте (27.10.1936 г.). Институт мировой литературы РАН. Рукописный отдел (ИМЛИ), 114-1-6.

Прим. 3: *«Я получил высшее педагогическое образование [...]». Данное замечание не соответствует действительности. Полтавский учительский институт, который Макаренко окончил в 1917 г., по положению об учительских институтах от 31.05.1872 г. был учреждением среднего педагогического образования. В советское время юридически это обозначало «неполное высшее» образование.*

Прим. 6: «[...] и добиваюсь за такие преступления 3 лет тюрьмы». В феврале 1928 г. за избиения воспитанников к трём годам лишения свободы был приговорён «завкол» А.И. Остапченко, который находился в подчинении зав. Управлением детскими учреждениями Харьковского округа Макаренко. Последний выступал перед общественностью и на суде в качестве защитника Остапченко.

Прим. 8: «Затем т. Макаренко критикует ответы и [на. — Г.Х.] вопросы читателей, помещённые в журнале «Коммунистическое просвещение» (август 1936)». Речь идёт о материале, опубликованном в № 4 (с. 126–27) за 1936 г. этого журнала Наркомпроса РСФСР: «Вопрос т. Немченко и др.: Какие вы рекомендуете меры для исправления недисциплинированных учеников». Данная «консультация», которая в общей сложности включает 10 пунктов, касательно определённой Макаренко проблемы выглядит следующим образом: «7) Когда приходится с ребёнком или подростком проводить беседу о нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка — надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребёнок должен чувствовать, что учитель даже при применении мер воздействия делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребёнка. Недопустимо, чтобы учитель выносил порицание ребёнку с чувством отвращения к нему, обнаруживал презрение к этому ребёнку. Особенно недопустимо применять какие-либо меры воздействия в возбуждённом виде, выражать их в бранной форме. Нельзя допускать преувеличения поступка ребёнка, выражать сомнение в возможности исправления. Отрицательно реагируя на поступок ученика, учитель не должен оскорблять самолюбие ученика, а наоборот, подчёркивать своё положительное отношение к личности ученика и тем стимулировать его не совершать больше отрицательных поступков».

Прим. 16: «[...] выпала из поля зрения автора и школьная жизнь [...]». В колонии им. Горького занятия проводились по комплексному методу (см. док. № 7, прим. 6). После ликвидации в 1931 г. всех экспериментальных форм обучения Макаренко решил

в «ПП» отказаться от описания работы в школе колонии.

5. Лекция «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей», прочитанная в Политехническом музее в Москве (21.04.1937 г.). ИМЛИ, 114-1-2.

Прим. 3: «Рефлексология, направление в рус. психологии нач. 20 в. Создателем и признанным лидером её был В.М. Бехтерев (1857–1927; «Основы рефлексологии», 1920). Становление рефлексологич. учения происходило под влиянием идей И.М. Сеченова о рефлекторной природе психики, а также развития физиологии» (РПЭ 2, с. 259). Бехтерев — последователь учения И.П. Павлова о безусловных и условных рефлексах (лат. reflexus — отражение).

Имеется в виду наука о внешних проявлениях душевного, психического состояния в движениях, действиях, поступках, поведении, образе жизни. Виды рефлексов отличаются степенью сложности, скорости и длительности реакции. Отсюда — по Бехтереву — задачи рефлексологии: фиксация и изучение актов движений, поведения; типология таких актов по признаку частоты и силы внешнего воздействия, вызвавших определённый тип актов.

Судьба рефлексологии оказалась весьма драматичной. Использование её базовых начал оказалось плодотворным и эффективным как в науке (физиология, медицина, педагогика, социальная психология и др.), так и в искусстве (творчество писателей-экзистенциалистов; система Станиславского в театре; фильмы Чаплина и мн. др.). Но эпигонство, грубая вульгаризация, слепой механический, зачастую своевольно-чиновничий подход к сложному, многоаспектному учению в Советском Союзе с 1930-х годов дискредитировали рефлексологию. Её «поправили» с позиции сталинско-

лысенковского «диалектического материализма» и вычеркнули из науки безусловные рефлексы. С разгромом биологической науки (1948 г. и далее) рефлексология в СССР прекратила своё существование.

Прим. 12: «[...] как педагогический труд, эта книга («Республика Шкид») неудачна, причём даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге». Горький, который весьма положительно отзывался о «Республике Шкид» (альманах «Круг», № 6, М., 1927), при этом отмечал, что её значение «не может быть переувеличено», рекомендовал прочитать эту книгу и написать рецензию некоторым своим корреспондентам, в т.ч. и Макаренко в письме от 28.03.1927 г. (см.: Переписка, с. 47). В следующем его письме (от 25.02.1928 г.) Макаренко не откликнулся на эту просьбу, лишь через 9 лет, уже после смерти «пролетарского писателя», он негативно оценивал «Республику Шкид» — после данного выступления (21.04.1937 г.) также и в статье «Детство и литература» (написанной 06 и 08.05 и опубликованной 05.07.1937 г. в «Правде»).

Прим. 14: «Есть ещё одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это «Утро» Микитенко. Написан только 1-й том, книга не окончена». Микитенко И.К. (1897–1938; репрессирован), сов. укр. писатель — автор романа «Ранок» (кн. 1; перевод на рус. яз.: «Утро», 1933). Он 28.01.1932 г. посетил «Дзержинку» и записал в «книге отзывов» (перевод с укр. яз.): «Коммуна имени Феликса Дзержинского произвела на меня такое светлое, радостное, незабываемое впечатление, какое не часто бывает в жизни. Растут прекрасные, крепкие, способные и преданные строители социализма. Очень жалею, что не был знаком с коммуной раньше [...]» (Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. Киев, 1976, с.89). В связи с работой над второй книгой своего романа Микитенко вновь приезжал в «Дзержинку» — июнь 1934 г. Вторая книга в свет не вышла.

Прим. 15: «Я как раз эту коммуны знаю [...]». Действие романа «Утро» происходит в трудкоммуне № 2 им. Балицкого под Прилуками, которая с января 1936 г. подчинялась Отделу трудколоний НКВД УССР (см.: док. № 2, прим. 9).

Прим. 17: «[...] когда в 1931 г. коммуна за одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 чел.». Такой набор в коммуны им. Дзержинского в 150 (а не 200) чел. проводился в связи с расширением производства осенью 1931 г. (Втр., с.37).

Прим. 20: «За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив [...]». Срок своей работы в колонии и коммуне (1920–1935 гг.) Макаренко здесь и в других выступлениях продлевал на один или два года — по всей вероятности, с целью умолчать о своей деятельности в аппарате НКВД УССР (до февраля 1937 г.). Этому же методу придерживалась и вдова в её преди- и послесловиях к изданиям произведений А.С. Макаренко, а также первый биограф Е.Н. Медынский в своих монографиях, написанных в 1940-х гг. Здесь — а вместе с тем и в литературе о Макаренко до 1949 г. — отсутствует какое-либо указание на жизнь и службу педагога-писателя в Киеве.

Прим. 21: «[...] колония Горького, которая целиком перебежала в коммуны Дзержинского после моего перехода». Это не соответствует действительности. Общее число колонистов-горьковцев в 1927/28 г. — прибл. 400 чел. В момент открытия коммуны им. Дзержинского в декабре 1927 г. первая партия воспитанников из колонии им. Горького насчитывала всего 60 чел. — 50 мальчиков и 10 девочек (Втр., с. 15). Позже к этой партии добавлялись только отдельные колонисты-горьковцы.

Прим. 23: «[...] это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины». Это последняя ссылка Макаренко на заслуги

сотрудников НКВД УССР в ликвидации преступности и беспризорности среди подростков. Через месяц, на июньском (23.—29.06.1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел УССР В.А. Балацкий, его многолетний покровитель, был исключён из состава членов ЦК, а 7 июля (во время командировки) арестован (Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК — ГПУ — НКВД в Україні: особи, факти, документи. Ки в, 1997, с. 67, 437).

Прим. 27: В сентябре 1936 г. в лондонском издательстве S. Nott в переводе на английский язык вышла 1-я часть «ПП», под заглавием «Road to Life» (GW13, с. 51). Мнение, что это решение издательства было принято из коммерческих соображений с желанием повторить всемирный успех фильма «Путёвка в жизнь», соответствует действительности; см. публикацию английского историка Дж. Данстона (John Dunstan): «Der Weg ins Leben» oder wie Makarenko in England bekanntgemacht wurde. Vom «Buch zum Film» zum «Film zum Buch» / Stand und Perspektiven der Makarenko-Forschung. Materialien des 6. internationalen Symposions (18. April — 2. Mai 1989). Hrsg. v. G. Hillig u. S. Weitz. München, 1994, с. 256—77.

Прим. 28: «Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел «Путёвку в жизнь» и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен прочесть «Педагогическую поэму» — она дополняет «Путёвку в жизнь». В «Лит. газете» от 15.03.1937 г. (№ 14, с.3) помещены отрывки из рецензий на английское издание 1-й части «ПП»: «Manchester Guardian», «The Times Literary Supplement», «Daily Worker», «The Christian Science Monitor», «The Granta», «Monthly Review of the USSR Trade Delegation in Great Britain», «The new English Weekly», «Reynolds News».

Прим. 29: ««Путёвка в жизнь» — страшная вещь». [...] между тем ничего общего между «Путёвкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет». Непонятное для теперешних читателей обстоятельство: как это Макаренко столь категорично отмежевывается от фильма «Путёвка в жизнь»? Такой демарш, по всей вероятности, можно объяснить арестом

организатора трудкоммун ОГПУ-НКВД СССР, бывшего наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды, о котором «Правда» сообщила 03.05.1937 г., т.е. за три недели до данного выступления. Интерес в этом отношении представляют слова Макаренко о настоящем мероприятии через год (!), во время его выступления на московском Станкозаводе им. С. Орджоникидзе (09.05.1938 г.; док. № 11): «До сих пор мне приходилось разговаривать с педагогами, главным образом, и случайными читателями в Политехническом музее и т.д.». Таким образом, причиной цитированного выше довольно странного высказывания Макаренко о фильме «Путёвка в жизнь» после ареста многолетнего госпопечителя Болшевской коммуны мог быть страх перед неизвестной ему публикой в московском музее.

Примечательно, как составители семитомника «Сочинений» Макаренко обращались с выше цитированным высказыванием ««Путёвка в жизнь» — страшная вещь. [...] между тем ничего общего между «Путёвкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет». Первую фразу вообще исключили (лишь в восьмитомнике «Педагогических сочинений» она — по всей вероятности по ошибке — была восстановлена), а вторую препариовали по идеологическим канонам отечественной педагогики 1940—50-х гг. (в восьмитомнике эта фраза вновь дана по семитомнику): ««Путёвка в жизнь» и «Педагогическая поэма» объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные»; см.: С. 5 (1951), С. 359; С. 5 (1958), с. 379; ПС 7, с. 43.

Прим. 36: «[...] до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас — женат [...]». «Макаренко (Салько) Галина Стахивна — жена педагога-писателя, его соратник в педагогической, литературной и общественной деятельности с осени 1929 г.» (ПС 7, с. 300, пр. 18). Как видно из их переписки, оба уже го-

дом раньше считали себя мужем и женой. Регистрация брака состоялась лишь в сентябре 1935 г. в Киеве.

Прим. 38: «Каково ваше мнение о книге «Болше́вцы»? Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети и совершенно другие задачи воспитания». 27.08.1936 г. «Лит. газета» (№ 48, с. 3) опубликовала подробную рецензию Макаренко на сборник «Болше́вцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода (!) трудкоммуны НКВД» (под ред. М. Горького, К. Горбунова и М. Лузгина; М., 1936). В своём отзыве педагог-писатель считает, что «сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга, сделана любовно, талантливо. За границей книга должна произвести ещё большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма» (GW 7. Ravensburg, 1976, с. 236). Предложение Макаренко о переводе сборника на иностранные языки не было осуществлено. Уже через месяц после публикации рецензии Ягоду сняли с поста Наркома внутренних дел СССР и книгу изъяли из продажи и библиотек.

6. Лекция в Московском доме учителя (22.05.1937 г.). РГАЛИ, 332-4-151.

Прим. 2: «Они (чекисты) замечательно культурны, большей частью с высшим образованием». Это не соответствует фактам. У большинства сотрудников ГПУ-НКВД было лишь начальное школьное или домашнее образование. Из чекистов в окружении Макаренко во время его работы в коммуне им. Дзержинского и в ОТК НКВД УССР только у В.А. Балицкого было неполное высшее образование.

Прим. 3: *Лейц* (Leitz) — немецкая фирма (основ. в 1849 г.), специализирующаяся на выпуске оптических систем и приборов точной механики. До 1945 г. крупнейший в мире изготовитель микроскопов, фотоаппаратов,

проекционной аппаратуры, биноклей и др. Мировую известность фирме принесло семейство фотоаппаратов «ЛЕЙКА» (1924 г.) — первых в мире плёночных малоформатных аппаратов.

Прим. 6: *Терский В.Н.* (1898-1965) — соратник Макаренко с 1925 г., организатор клубной работы в колонии и коммуне. Автор многих публикаций о макаренковском опыте, в т.ч. книги «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко» (М., 1959).

В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)», автором которого по всей вероятности являлся начальник педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С., говорится: «Терский Виктор Николаевич (1898 г.р., обр. среднее, в коммуне с 1928 г.). Тов. Терский преподаёт рисование и черчение в неполной средней школе. Одновременно с этим является руководителем кружков при клубе коммуны. К работе в школе относится добросовестно. Умеет заинтересовать ребят. Особенно ценным тов. Терский является во внешкольной работе. Он — организатор целого ряда кружков, выставок, походов, игр «развлечений», ребусов, стенгазет, стенных газет и пр. Работа его в художественном и драматическом кружке даёт очень большие результаты. Ребята охотно работают под его руководством. В общественной жизни коммуны активен, проявляет большую инициативу и исполнительность». (ДАХО, р.4511-1-11, л. 44.)

Прим. 10: «В 1935 г. принимал одну колонию для трудных детей». Здесь и в дальнейшем имеется в виду трудовая колония в Броварах под Киевом, руководство которой Макаренко временно осуществлял лишь в октябре 1936 г. по совместительству, работая в ОТК (см. док. № 2, прим. 10). С помощью изменения даты руководства Броварской колонией педагог-писатель, очевидно, хотел скрыть свою тогдашнюю деятельность в центре НКВД УССР.

Прим. 12: «*Второй случай: на пароходе из Батуми в Ялту. На верхней палубе, во время завтрака. Консервной банкой*». Как видно из док. № 21, «один довольно взрослый коммунар консервной коробкой во время завтрака другому, более молодому коммунару до крови расшиб голову. Это было сделано в присутствии команды и пассажиров». Решением общего собрания коммунаров «злодей» был ссажен с парохода — «без денег и вещей».

Прим. 15: «*Немецкая делегация. Пример с фотоаппаратом. За 1/2 часа — 30 минут*». Как видно из док. № 14, речь идёт о случае промышленного шпионажа, имевшем место в «Дзержинке»: коммунары у одного из членов «фашистской» делегации «увидели «Лейку» последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какие у нас не делали. За 40 минут они разобрали «Лейку», измерили и сделали чертежи этих приспособлений, сфотографировали их и безукоризненно собрали фотоаппарат.

7. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция первая: «Методы воспитания» (10.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-168.

Прим. 6: *Комплексный метод преподавания* — «способ построения содержания образования и организации процесса обучения на основе единого связующего стержня (напр., области детских интересов и склонностей, знакомства с определённым кругом жизненных явлений, изучения родного края, выполнения практич. заданий)» — применялся в советской школе в 1922–31 гг., т.е. до восстановления предметной системы преподавания (см.: РПЭ 1. 1993, с. 459–60).

Прим. 12: «*У него (Энгельса) есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе*». Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?» Том XVI сочинений Маркса и Энгельса (ч. II), в который был включён перевод этого материала, вышел в свет в 1936 г.

Прим. 13: «*Я, например, не совсем согласен, что можно школы называть неполной*

средней школой». Неполная средняя школа (НСШ) — в 1934–58 гг. в СССР тип общеобразовательной школы в составе 1–7-го классов, дававшей неполное среднее образование. С 1932/33 уч.г. в крупных городах, столицах союзных и автономных республик был введён 10-летний срок обучения; так полные средние школы (ПСШ) становились «десятилетками». Фактически до смерти Сталина параллельно с ПСШ существовали НСШ; эти «семилетки» предназначались для сельского населения СССР.

9. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция третья: «Педагогика индивидуального действия» (16.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-171.

Прим. 2: «*Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок*». В противоположность к этому утверждению, о данном новаторском методе речь идёт уже в макаренковском материале «Методика организации воспитательного процесса», написанном в 1935 г. и опубликованном в качестве служебного издания НКВД УССР (см. ПС 1, с. 267–69; Абариннов/Хиллиг, с. 70–73).

Прим. 4: «*[...] и там (в коммуне им. Дзержинского) бывает много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал [нас] за 1.000-ную делегацию*». О таком огромном числе зарубежных посетителей «Дзержинки» до сих пор из имеющихся источников ничего не было известно. Внимания заслуживает поразительное преобразование данной цифры в советских изданиях трудов педагога-писателя: «2000-ю» (Макаренко А.С. Избранные педагогические

произведения. Статьи, лекции, выступления. М., 1946, с. 115; Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения. В 4-х книгах. Кн. 4. М., 1949, с. 67), «200-ю» (С. 5 [1951], с. 69; с. 5 [1958]. с. 172; ПС 4, с. 167). В макаренковской хронике «Перевернутые страницы. (Вехи, события, факты)» (дек. 1932 г.) говорится о том, что «за время существования трудкоммуны им. Ф.Э. Дзержинского последнюю посетило 214 делегаций», в т.ч. 127 зарубежных (Вт.р., с. 31).

Иностранные делегации и туристы приезжали в коммуну не только через акционерное общество «Интурист» (осн. в 1929 г.), но также через профсоюзы и Отдел приёма иностранцев Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС, осн. в 1925 г.). Как видно из письма харьковского филиала этой организации (Всеукраинское товарищество культурного зв'язку з закордоном) в Правление ВОКСа в Москве от 28.12.1932 г., коммуна лишь в этом году была включена в перечень объектов украинской столицы для показа иностранным делегациям (см.: Госархив Российской Федерации, 5283-8-118, л. 107). Там она представлена следующим образом:

«Детская коммуна им. Дзержинского Белгородское шоссе, 3 км. от площади Дзержинского, трамвай №№ 5, 12, 19.

350 детей (258 мальчиков, 92 девочки). При коммуне электроинструментальный завод и 3-летний рабфак с техническим уклоном, по окончании которого воспитанники имеют возможность поступить в ВТУЗы. Основана в декабре 1927 г. на средства работников Г.П.У. Первоначально объединяла 60 детей — бывших беспризорных. Перевоспитание беспризорных с самого начала существования коммуны проводится на основах внедрения трудовых навыков. Для этого при коммуне сначала были организованы мебельные мастерские, которые затем были заменены небольшим заводом электросверликов типа «Петравец», намече-

но производство фотоаппаратов типа «Лейка» (с 1 июля 1933 г.).

Коммуна существует на основах самоуправления (совет командиров), широко развито социалистическое соревнование» (там же, л. 110). Из содержания данного материала можно сделать вывод о том, что его автором был начальник педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С.

Прим. 9: «[...] я выпустил 2.000 чел. [...]». Об общем числе выпускников колонии и коммуны по 1932 г. в незавершённом произведении «Опыт методики работы детской трудовой колонии» говорится: «Все[го] же передо мной прошло за двенадцать лет около двух тысяч пяти-сот молодых людей [...]» (ПС 1, с. 167). Однако в рукописи данной работы речь идёт о 2 000 чел.

Прим. 13: *Коган С.Б.* — с декабря 1929 г./января 1930 г. зав. производством коммуны им. Дзержинского. Вызывает удивление: фамилия этого важнейшего для развития коммуны деятеля, как и его предшественника Кропачева, почему-то не упомянута в хронике «Перевернутые страницы» (см. Прим. 4).

10. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция четвёртая: «Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе» (20.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-172.

Прим. 8. «В коммуне мы совершили 6 походов». Под руководством Макаренко было четыре похода (московский — июль 1929 г., крымский — июль-август 1930 г., кавказский — июль-сентябрь 1931 г. и волжско-черноморский — июнь-август 1933 г.) и два лагеря (около Бердянска — август 1932 г. и около Славяногорска (сейчас Святогорск), на берегу Донца — июль-сентябрь 1934 г.).

12. Беседа с начинающими писателями на тему «Как создаётся художественное произведение» (11.07.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-174.

Прим. 5: «Один бухгалтер (далеко не литературный критик) донес о существовании «Педагогической поэмы» А.М. (Горькому), который вызвал меня телеграммой в Москву». В переработанном варианте выступления этот эпизод передан более подробно и точно: «[...] один из моих приятелей, начальник финансовой части коммуны, в какой-то служебной папке нашёл несколько страниц «Педагогической поэмы», прочитал их и заинтересовался. Он настойчиво потребовал от меня, чтобы я дал ему почитать книгу, которая в то время не имела даже названия. Я не особенно сопротивлялся, в самом деле, пусть читает! Я был очень удивлён его читательскими восторгами, но они не вскружили мне головы. Я думал: провинциальный читатель, да ещё бухгалтер, что он там понимает в литературе. Неожиданно я получил письмо, а потом и телеграмму от Алексея Максимовича с требованием немедленно представить книгу. Делать было нечего, я собрался в Москву и повёз с собой названную уже «Педагогическую поэму»» (ПС 7, с. 179). Здесь говорится о Кононенко Константине Сергеевиче (1889—1964), репрессированном экономисте, работавшем с марта 1932 г. в коммуне им. Дзержинского начальником финансовой части. См.: Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. Марбург, 1997 (ОМ, № 20).

Прим. 6: «В Союзе писателей Украины председатель этого Союза, враг народа [...]». Речь идёт об А.Г. Сенченко. Под заголовком «У Сп лц радянських письменник в УСРР» (В Союзе советских писателей УССР) 17.11.1936 г. украинская «Литгазета» сообщила: «Освобождён от поста председателя Союза писателей УССР А.Г. Сенченко» (см.: Абаринов/Хиллиг, с. 176).

Прим. 7: «[Председатель ССП Укрвины] требовал от писателей — не сидеть на месте, ездить, путешествовать, собирать впечатления. Было много сторонников этого мнения». Имеется в виду «новый тип писателя, активного участника социалистического строительства». При этом речь идёт о требо-

вании не Союза писателей УССР 2-й половины 1930-х гг., а Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) конца 1920-х — начала 1930-х гг. — ввиду «роста промышленной продукции, обгоняющего предложения пятилетки, неслыханного темпа коллективизации деревни, создания новых гигантов индустрии, социалистического соревнования, непрерывного производства, культурного подъёма» (из передовой статьи «Современные задачи пролетарской литературы» / «Печать и революция», 1929, № 9, с. 4). Однако в то время Макаренко работал не на вершинах всесоюзной теории культуры, а в глубинах украинской педагогической практики — почему он и не был осведомлён о требованиях к «новому типу» советского писателя.

Прим. 8: «С 1915 года по сегодняшний день я веду записную книжку, и это дело организовано у меня очень хорошо (солидно). У меня большая книжка [...]». Данная «большая книжка», а также записные книжки до 1929 г. не сохранились.

Прим. 9: «Когда стали «Педагогическую поэму» печатать, больше 10 печатных листов печатать не разрешили. Три четверти материала было выброшено». Это утверждение преувеличено. Как показывает сравнение 1-й ч. «ПП», напечатанной в альманахе «Год XVII», с книжными изданиями, текст для первой публикации действительно был значительно сокращён. Так, в альманахе за недостатком места не напечатаны следующие 6 глав: ««Подвижники Соцвоса»», «Сражение на Ракитном озере», «На педагогических ухабах», «Чернильницы по-соседски», «Наш — найкращий», «Шарин на расправе». Однако общий объём глав и отдельных мест, не включённых в альманах, составляет, как говорится в письме Макаренко Горькому от 07.03.1934 г., лишь «около 4-х печатных листов» (Переписка, с. 78).

Прим. 11: «*Не совсем достигнута насыщенность у наших северных авторов*». Здесь Макаренко, по всей вероятности, имеет в виду писателя М.М. Пришвина (1873–1954), который родился в Орловской губернии, но своей поэтической родиной называл Север.

Прим. 17: «*Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нём, вместе с ним живу в Переславе, в Киеве, живу его жизнью*». О том, что педагог-писатель действительно начинал писать такое произведение, до сих пор не найдено документальных подтверждений.

Прим. 18: «*Я кончил 3 класса городского училища*». Как видно из аттестата (1904 г.), Макаренко «обучался с 1901 года по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище» (Лисенко П.Г. Убийвовк .С. Антон Семёнович Макаренко у документах, фотограф ях, люстрац ях. Ки в, 1969 [Лис./Уб.], л. 5).

Прим. 19: «*В высшей начальной школе был один год, затем учился на педагогических курсах, кончил это училище [...]*». В «высшей начальной школе» Макаренко никогда не учился. По свидетельству (1905 г.) он в течение 1904–05 уч. г. являлся «слушателем Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-х классном училище» и «удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и обучения церковного пения» (Лис./Уб, л.6).

Прим. 20: «*[...] учительствовал 13 лет [...]*». В действительности Макаренко работал 12 лет учителем и руководителем школ (1905–14 и 1917–20 гг.). В 1914–17 гг. он проходил курсы повышения квалификации — Полтавский учительский институт, о чём в настоящем докладе почему-то не упоминает.

Прим. 21: «*[...] получал жалование 40 р. в месяц [...]*». Это имеет отношение к работе Макаренко учителем ж.д. училища в Крюкове (1905–11 гг.). См. также док. № 21, прим. 2.

Прим. 22: Из способа написания в данной версии стенограммы — ряд точек вместо фамилии выступающего — можно заключить, что соответствующее лицо в момент печатания документа уже было арестовано.

13. Лекция о воспитании детей, прочитанная в редакции журнала «Общественница» (22.07.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-175, лл.1-44.

Прим. 3: Вставка Г.С. Макаренко в С. 4 (1951), с. 459 (начало нового абзаца) [без слов «и великому Сталину» также в: С. 4 (1957), с. 460; ПС 4, с. 214]: «*Полная возможность такого чистого счастья, необходимость его, обязательность завоёвана нашей революцией и обеспечена советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии и великому Сталину — счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что [...]*».

Прим. 4: «*Эррио приезжал в Союз, приехал и к нам в коммуну*». Как видно из сообщений печати, французский политический деятель, бывший премьер-министр Эдуар Эррио (Herriot; 1872–1957) посещал коммуну им. Дзержинского 28.08.1933 г. Поездка Эррио в СССР была предпринята во время голода на Украине — с целью показать мировой общественности, что как такового массового вымирания населения не существует. Следов голода во время своего пребывания на Украине Эррио не заметил, что и нашло отражение в его книге о поездке на Восток «Orient» (Paris, 1934). Вывод заграничной прессы был однозначен — гостю во время его пребывания в Советском Союзе показали «потемкинские деревни».

Прим. 5: «— *Всё бы хорошо, — сказал он (Эррио), — но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются рядом с ворами, фальшивомонетчиками и шпионами?*». Беседа гостя с Макаренко нашла отражение в отчёте спецкорреспондента газ. «Известия ЦИК» (1933, № 213, 29.08, с. 1), а также в мемуарах Эррио «Orient» (с. 176–77). В последних говорится: «Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? «Нет, — отвечает мне начальник учебной части. — Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходили к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осуждён; мы хотим, чтобы он забыл своё прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с патологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение [...]».

Прим. 6: «*У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась*». В семье педагога-писателя с 1935 г. по 1938 г. в Харькове, Киеве и Москве проживала его родная племянница Олимпиада Витальевна Макаренко (1920–2001).

Прим. 8: *Любимова*. Обнаружить данные об этом лице, которое единственное из всех участников прений упомянуто в стенограмме, не удалось. На основании того, что в советских изданиях трудов Макаренко её фамилия обозначена лишь инициалом — «тов. Л.», можно предположить, что она (руководитель мероприятия?), была репрессирована (хотя в московском обществе «Мемориал» нет сведений об этом).

14. Доклад «Основы политического воспитания в советской школе» в Московском педагогическом училище (лето 1938 г.). РГАЛИ, 332-4-181.

Прим. 4: «*Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована — воспитание борца-коллективиста*». «Борец-коллективист» — такую формулу использовала Н.К. Крупская в своём докладе на I Всероссийском съезде по всеобучу (22.02.1931 г.), опубликованном под загл. «Борьба за качество

школьной работы» (М.-Л., 1931). Там говорится: «Мы растим в нашей школе борцов и строителей социализма, борцов со старым строем, покоившимся на эксплуатации, борцов со старыми предрассудками и всяческим дурманом, борцов-коллективистов, умеющих сознательно относиться к окружающей жизни, понимающих, что кругом делается, и принимающих сообща, организованно непосредственное участие в социалистической стройке».

Прим. 7: «*Благодаря несогласию с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького*». Главный упрек НКП УССР в адрес зав. колонией Макаренко относился к «военизации» данного воспитательного учреждения, а также к самовластию членов его совета командиров и в связи с этим превышению их полномочий, например, применению физических наказаний.

Прим. 8: «[...] *когда я перешёл в коммуны им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники коммуны [колонии. — Г.Х.] им. Горького*». См. док. № 5, прим. 21.

Прим. 9: «[...] *прокурор Харьковского округа привлёк меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А.М. Горького защитило меня от уголовной ответственности*». Подтверждения этого события до сих пор нет.

Прим. 16: «*К нам приехала немецкая делегация. Мне позвонили по телефону, чтобы я был осторожен, т.к. эта делегация была явно фашистская. [...] И всё показал, кроме секретных цехов [...]*». В связи с реорганизацией структуры управления «Дзержинки» (весной 1932 г.) её производственная часть — «секретные цехи» — была передана в ведомственное подчинение АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим. 9).

Это касалось электроинструментального и фотоаппаратного заводов коммуны.

15. Встреча с учителями начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области в Областном доме учителя (16.10.1938 г.). Рукописный отдел Росс. национ. библиотеки С.-Петербург, Р1-17-408, пост. 1947 г., № 1; также: РГАЛИ, 332-4-177.

Прим. 6: Один из слушателей: «А.С. Макаренко говорил мне, что когда он написал эту книжку, он не считал её художественным произведением и забросил на чердак, и только потом кто-то из его друзей её оттуда вытащил». Речь идёт о начальнике финансовой части коммуны им. Дзержинского К.С. Кононенко (см. док. № 12, прим. 5).

Прим. 8: «Что касается единственного ребёнка, то у педагогов это тоже редкое явление (смех), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец или мать — педагог». Критика Макаренко в отношении семей, имеющих только одного ребёнка, и его требование об увеличении членов столь малых семей с целью образования коллектива, была отвергнута в статье литературного критика К. Лавровой, вышедшей в июле 1938 г.: «[...] предлагаемая писателем панацея направлена, как нам кажется, против воображаемого зла»; задача же была напротив, «искать пути организации подлинно социалистической семьи, независимо от числа детей» (ж. «Книга и пролет. революция», 1938 г., № 5—6, с. 190).

Прим. 9: «Значит, со стороны «Книги для родителей» я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны «Педагогической поэмы» и других моих писаний, я боюсь, что вы будете меня ругать». Вполне очевидно, что опасения докладчика связаны с вышедшим в конце 1937 г./ начале 1938 г. в журнале «Октябрь» романом «Честь», против которого в первую очередь выступил с тремя публикациями в июне

1938 г. литературный критик К. Малахов. Так, в «Правде» (1938 г., № 155, 07.06, с. 4) он обвинял Макаренко в «искажении русской истории» и «амнистировании шовинизма».

Прим. 17: «И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду [...]». Такое обещание Макаренко А.М. Горькому в действительности связано не с данным эпизодом (удар Задорову), а с изначально запланированным включением истории о коммуне им. Дзержинского в качестве 3-ей части в «ПП». Дословно в письме писателю от 07.03.1934 г. говорится: «Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно». (Переписка, с. 79).

Прим. 18: «Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? — Не поднимается, и мы совершенно не знакомы с этим вопросом [...]». О «школьном центре» в таком смысле действительно речь не идёт в соответствующих законах и распоряжениях о советской школе.

Прим. 19: «И так я «играл» 16 лет, и не в этом только случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в своё время «ели», — в этих командиров, в эти салюты и т.д.». Используемая в колонии им. Горького военизация была остро раскритикована на Всероссийской конференции работников детских домов в Москве (ноябрь 1927 г.), а также в Харькове (март 1928 г.) на специальном заседании Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНД П), посвящённому обсуждению воспитательных планов, составленных Макаренко для коммуны им. Дзержинского.

Прим. 22: «[...] и буду и дальше считать на месте директора [...]». Здесь речь идёт о первом публичном заявлении

Макаренко о вступлении в должность директора одной из средних школ г. Москвы. После обнародования разгромной критики на произведение «Флаги на башнях» («ФнБ») (декабрь 1938 г. / январь 1939 г.) Макаренко хлопотал о такой должности, которую он намеревался занять к началу нового 1939/40 уч. года.

Прим. 25: «У меня был такой помощник — Тимофей Денисович Татаринов». Воспитатель-учитель колонии им. Горького с лета 1925 г. Руководил работой школы и в первые годы деятельности коммуны им. Дзержинского. В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)» (см. док. № 6, прим. 6) говорится: «Татаринов Тимофей Денисович (1894 г.р., обр. высшее, в уч.-восп. части с 1934 г.). Т[ов]. Татаринов Т.Д. преподаватель химии рабфака. Лучший педагогический работник в Коммуне. Добросовестный. Знающий. Умеющий обращаться с коммунарами. Старый работник с беспризорными. Пользуется авторитетом среди коммунаров и среди преподавателей. Принимает участие в общественной работе. Никогда не считается со временем. Предан Коммуне. Неоднократно был премирован денежными и благодарностями. Награждён грамотой Харьковским Облисполкомом за ликвидацию беспризорности». (ДАХО, р.4511-1-11, л. 45.)

Прим. 27: «Какие у меня были дети? Приходят родители — отец и мать, похожие даже на ответственных [работников], приходят такие нежные и ласковые. «Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?» — «Почему вы хотите его к нам поместить?» — «Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации» и т.д. И вот, когда возьмёшь [его], то говоришь: «Я возьму, но чтобы вас и близко не было, и машины вашей чтобы не было, и чтобы бензина вашего не было слышно!» (Смех.)». Согласно другой версии данного эпизода (см. док. № 20), здесь речь шла о сыне чекиста: «Приезжает с ромбом муж с женой без ромба (смех)».

Прим. 32: «Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую на-

стоящую учительскую». До сих пор мы не располагаем, сколько-нибудь достаточной информацией о том, что Макаренко в то время вновь хотел вернуться к своему намерению написать методiku коммунистического воспитания и для достижения этой цели ожидал финансового обеспечения.

16. Обсуждение повести «Флаги на башнях» в Ленинградском дворце культуры им. С.М. Кирова (18.10.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-179, лл.1-15.

Прим. 2: «До колонии я в школе был преподавателем истории». См.: ПС 7, с. 310, пр. 3: «А.С. Макаренко говорит, вероятно, о своей работе в школе в 1917—1920 гг. в Крюкове и Полтаве. В дореволюционной школе он преподавал преимущественно русский язык, русскую литературу, черчение и рисование». Как свидетельствует преподаватель истории Полтавского учительского института В.Н. Тарасов, любимый предмет Макаренко во время учёбы там же была «гражданская история — всеобщая и русская». После окончания этого заведения он собирался изучать историю в Московском университете (Известия АПН РСФСР, вып. 38, М., 1952, с. 150). Очевидно, он полагал, что действовавшие в царской России правила приёма в вузы будут пересмотрены после Февральской революции. Однако, распоряжением Временного правительства (циркуляр Министерства просвещения от 13.06.1917 г.) выпускникам учительских институтов предоставлялось право поступления в университет только после сдачи дополнительных экзаменов по латинскому и одному из новых иностранных языков (Журн. мин. нар. просв., ч. 70, 1917, отд. I, с. 69—70).

Своим «любимым предметом» Макаренко называет историю также и в ходатайстве о повышении квалификации в Москве (август 1922 г.). В приложении «Вместо коллоквиума» он написал: «Почти на память знаю Ключевского

и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна» (ПС 1, с. 9–10). Поэтому не удивительно, что прибл. 75% книг из личной библиотеки педагога-писателя в Кременчугском музее А.С. Макаренко относятся к предмету история.

Прим. 3: За расплывчатыми формулировками Макаренко — нужно было бы «писать педагогику завтрашнего дня» — по всей вероятности, скрывается его досада на ликвидацию мастерских в школах РСФСР. См. комментарии в ПС 7, с. 310, пр. 4: «Имеются в виду встречи и беседы А.С. Макаренко с И.А. Каириным, тогда заведующим кафедрой педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (См.: Каиринов И.А. Незабываемое. Учительская газета, 1978, 28 марта.) Основным пунктом расхождений, вызвавшим отказ А.С. Макаренко от участия в подготовке учебника педагогики, был, очевидно, вопрос о трудовом воспитании школьников, их участии в производительном труде, без чего он не мыслил полноценного коммунистического воспитания. В тот период преподавание труда в школе и организация производственного труда учащихся были отменены (приказ Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе» от 4 марта 1937 г.). А.С. Макаренко и в те годы продолжал отстаивать воспитательное значение общественно полезного, производительного труда детей и подростков». Каиринов, «в 1937–48 зав. кафедрой педагогики МГУ», действительно был «одним из организаторов коллективной разработки учебника педагогики для вузов (изд. 1939, среди авторов Е.Н. Медынский, Н.К. Гончаров, К.И. Львов и др. [...])» (РПЭ 1, с. 409). А имя М.В. Ломоносова Московскому университету было присвоено лишь после смерти Макаренко — в 1940 г. (Там же. С. 596).

17. Доклад на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР (20.10.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-180, лл.1-45.

Прим. 2: «Мне пришлось в 1933 году выделить около 100 коммунаров на очень тяжёлую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны». Эта «специальная работа» была связана с подготовкой визита французского политического деятеля Э. Эррио в СССР (август 1933 г.; см. док. № 13, прим. 4). Коммунары-дзержинцы помогали НКВД УССР очищать от беспорядков улицы, по которым планировался маршрут гостя (Одесса — Киев — Харьков). Приведённое здесь высказывание докладчика — это единственное, хотя косвенное и затемненное признание Макаренко о катастрофических последствиях голода на Украине. О том, как коммунары реагировали на данное поручение, есть воспоминания коммунаров, а также педагогов «Дзержинки».

Прим. 18: «Я провёл 8 походов». В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10., прим. 8).

Прим. 20: «Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Дзержинского окупали учителей, театры, походы, костюмы, своё содержание и ещё дали чистой прибыли государству 5 миллионов рублей». О «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» см. док. № 2, прим. 29.

Прим. 24: «За 16 лет я не имел у себя в штате заведующего учебной частью». Как видно из постановления СНК УССР «Типовые штаты опытных детских учреждений Народного Комиссариата Просвещения по Отделу Социального воспитания», опубликованного в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-

крестьянского правительства Украины» (1924, № 26-27, с. 544–51, здесь: с. 544), «Труд. Колония в Полтаве на 120 чел». (как и другие соответствующие учреждения с большим числом воспитанников) кроме заведующего (Макаренко) должна была иметь и должность «пом. заведующ.»». Учебная часть при этом вообще не выделяется.

Прим. 30: «Я эту книгу (о чудаках и дураках) заканчиваю, и скоро она выйдет из печати». Это типичное макаренковское преувеличение. Рукопись такой книги, не считая отдельных записей, в наследии педагога-писателя не сохранилась.

18. Встреча с учителями Фрунзенского района г. Москвы (08.02.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-183.

Прим. 1: «Первые 16 лет я работал в нормальной школе, в заводской школе». С 1905 по 1914 и с 1917 по 1919 г. (в целом 11 лет) Макаренко работал не в заводской, а в железнодорожной школе.

Прим. 3: «Но за последние годы 1932, 193[3]-1935-й [...] многие родители начали обращаться к нам с просьбой принять их детей». Здесь речь идёт о детях привилегированных лиц, в первую очередь чекистов.

Прим. 5: «В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине». Имеется в виду второстепенная должность Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве; см. док. № 2, прим. 9.

Прим. 6: «Второй том [«КдР»] сейчас закончен и сдан в печать». В анкете о творческих планах писателей, опубликованной в «Лит. газете» от 10.02.1939 г. (№ 8, с. 4), Макаренко сообщает, что он продолжает писать «КдР», второй том которой он «должен закончить [...] к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала «Красная новь»». Однако второй том и следующие тома этого произведения Макаренко так и не написал.

Прим. 7: «Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребёнка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от

школы отделять нельзя». Такова реакция автора на упрек рецензентов «КдР», что в данном произведении игнорируется ведущая роль школы в педагогическом процессе (см. док. № 2, прим. 34).

Прим. 8: «Тов. Молотов будет докладывать на партийном съезде о необходимости коммунистического воспитания, о том, что только на базе коммунистического воспитания может быть построен коммунизм». Имеются в виду тезисы доклада председателя СНК СССР В.М. Молотова «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938-1942 г.г.)» на XVIII съезде ВКП(б) (10–21.03.1939 г.), одобренные в основном Политбюро ЦК партии (опубликованы 30.01.1939 г. в «Правде», № 29, с. 1–2). Экземпляр отдельного издания тезисов находится в личной библиотеке педагога-писателя (Музей А.С. Макаренко, Кременчуг).

Прим. 9: «У меня был заместителем Дидоренко [Татаринов — Г.С.М.] и в колонии им. Горького, и в коммуне им. Дзержинского». Здесь Макаренко перепутал двух своих близких ему по духу сотрудников: Дидоренко С.А. — чекист, завхоз коммуны им. Дзержинского, и Татаринов Т.Д. (см. док. № 15, прим. 25).

Прим. 12: «Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 походов». В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10, прим. 8).

Прим. 16: «Я считаю, что труд для ребят полезен и необходим. Я при этом ссылаюсь на Маркса, который говорил, что дети с четырнадцатилетнего возраста могут принимать участие в общественно-полезном труде» Здесь докладчик ссылается на следующее положение К. Маркса из «Инструкции» I конгрессу Интернационала

(Международное товарищество рабочих) в Женеве в 1866 г.: «При разумном общественном строе каждый ребёнок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный человек [...]» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 197). Однако, как в этом, так и в последующих своих выступлениях Макаренко «поправляет» Маркса, повышая возрастной ценз «производительного работника» до 14 лет. Докладчик, вероятно, знал о дискуссии Ленина с Крупской по поводу производительности труда и политехнического образования школьников при разработке 2-й программы РСДРП. Побеждала ленинская позиция — «не ранее 14 лет...». Во всех советских собраниях сочинений педагога-писателя слова К. Маркса восстановлены без комментария.

Следует ещё отметить, что за два года до настоящего доклада (04.03.1937 г.) было принято постановление Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе», где речь шла о ликвидации мастерских в общеобразовательных школах этой республики (см. также док. № 16, прим. 3).

Прим. 23: «По случаю награждения меня орденом [...]». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.01.1939 г. «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» 172 писателя награждены орденами, среди них: 21 чел. — «орденом Ленина», 49 (в т.ч. и Макаренко) орденом «Трудового Красного Знамени» и 102 — орденом «Знак почёта» («Правда», 1939, № 31, 01.02, с. 2).

19. Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги в Москве (18.02.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-185.

Прим. 2: «Среди вас я вижу и моего учителя — Александра Константиновича Волнина». Волнин — директор Полтавского учительского института во время обучения там Макаренко в 1914–17-х гг. Автор ста-

тьи «Антон Семёнович Макаренко в учительском институте» (в кн.: Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень 2–3, М., 1941, с. 117–24). Как видно из неопубликованной части этих воспоминаний, в связи с украинизацией института после Февральской революции Волнин в конце 1916/17 уч. г. был вынужден покинуть полтавское заведение и переселиться в Новосибирск, где также стал директором учительского института (см.: РГАЛИ, 332-4-455, л. 8). В 1950-х гг. — преподаватель пед. института в г. Кирове. Заслуженный учитель РСФСР (ПС 4, с. 384, пр. 2).

Прим. 3: «У него (Волнина) я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». Вариант этой фразы, которую газ. «Харьковский пролетарий» от 02.10.1927 г. привела как «важнейший лозунг в колонии» им. Горького, сам Макаренко цитирует в письме «пролетарскому писателю» от 18.04.1928 г. (Переписка, с. 55, 156). Необходимо отметить, что вышеупомянутые слова из доклада, прочитанного педагогом-писателем в Москве, были произнесены в присутствии адресата (Волнина); однако тремя неделями позже, на выступлении в далёком Харькове, Макаренко, говоря о своей «основной педагогической вере», ссылается на Горького (см. док. № 21, прим. 39) — такое понятие существует в макаренковедении до наших дней.

Достоин упоминания и то обстоятельство, что Волнин в своих написанных в 1940 г. воспоминаниях макаренковские слова обобщает таким образом: «Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению [...]. Так и мне трудно измерить и трудно... рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры.

Но из их рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми, и они воспитывали в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» (РГАЛИ, 332-4-455, л.9; курсивом выделены разночтения — Г.Х). Достоверность данного высказывания автор пытался подчеркнуть с помощью следующего примечания: «Эти слова [...] приводятся по тексту речи, отпечатанному на пишущей машинке, за собственноручной подписью Антона Семёновича» (там же).

20. Публичная лекция в Московском гос. университете на тему «О коммунистическом воспитании и поведении» (01.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-186.

Прим. 11: «Легко сказать — «от каждого по способности, каждому по потребности». Цитата из Нового Завета (Послания апостолов), а также из программы Первого интернационала.

Прим. 13: «Первые не поверили критики. Они сказали: Макаренко рассказывает сказки». Имеется в виду первый отклик на повесть «ФнБ», опубликованный в ленинградском журнале «Лит. современник» (1938, № 12, с. 226–27) — пародия А. Флита «А. Макаренко. Детки в сиропе. (Фрагменты медового романа)»; см. также статью лит. критика Ф. Левина «Четвёртая повесть А. Макаренко» (Лит. критик, 1938, № 12, с. 138–43).

Прим. 14: «Другой критик добавил: это мечта Макаренко». Речь идёт о подробной статье М. Лоскутова «Два писателя», напечатанной в «Лит. газете» (1938, № 69, 15.12, с. 5). Проводя сравнительный анализ «ПП» с «ФнБ», рецензент доказывает, что эти произведения принадлежат как бы двум разным авторам. По мнению Лоскутова, книга «ФнБ» является «творческим перевоплощением некоей авторской мечты».

Прим. 17: «Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге. Хороший друг». О такой трёхнедельной поездке Макаренко с товарищем в 1937 году исследователям ничего не известно. По всей вероятности здесь подразумевается волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г., в котором участвовал и начальник финансовой части К.С. Кононенко (о нём см. док. № 12, прим. 5). В своих воспоминаниях «Забить его нельзя» он пишет: «Наша дружба всё крепла. Особенно она упрочилась во время летней поездки коммуны по Волге и на Кавказ. В долгие вечера и ночи, лёжа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода, мы вели с ним нескончаемые беседы» (Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Марбург, 1997, ОМ № 20, с. 8). С помощью намеренного изменения даты этой поездки (с 1933 г. на 1937 г.) Макаренко, очевидно, хотел отвлечь слушателей от того обстоятельства, что данный поход состоялся во время голода на Украине и в южных областях России.

Прим. 18: «Блаженны... Радуйтесь и веселитесь». См. Евангелие (канонический перевод на рус. яз.): «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах». Лука 6, 22-23.

Прим. 19: «[...] посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут». См. Матф. 6, 26: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

Прим. 22: «У вас это тоже, наверное, бывает. Встаёт вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живём, а потом умрём и сгнием.

Я с ним возился, возился — не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: «Материя, говоришь?» — «Да». — «И музыка Чайковского тоже материя?» — «Да». — «Ну, что же, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу, и духа другого не хочу». И убедил человека». См.: Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900): «Так говорил Заратустра», из гл. «О старых и новых скрижалях»: «К чему жить? Всё — суета! Жить — это молотить солому; жить — это сжигать себя и всё-таки не согреться». — / Эта старая болтовня всё ещё слывет за «мудрость»; за то, что стара она и пахнет затхлым, ещё более уважают её. Даже плесень облагораживает ... / ... Много ребяческого в старых книгах мудрости. / И кто всегда «молотит солому», какое право имеет он хулить молотью! Таким глупцам следовало бы завязывать рот! / Они садятся за стол и ничего не приносят с собой, даже здорового голода; и вот хулят они: «всё — суета!» / Но хорошо есть и хорошо пить, о, братья мои, это, поистине, не суетное искусство! Разбейте, разбейте скрижали тех, кто никогда не радуется!»

См. также письмо Макаренко от 15.08.1938 г. бывшему коммунару-дзержинцу Фёдору Борисову, инженеру, по словам педагога-писателя, «без сомнения самому способному» из выпускников рабфака коммуны 1933 г. (ПС 1, с. 195). Здесь говорится: «Рассуждения о том, что мы — материя, — рассуждения лишние. Никто ещё не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя — это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моём ощущении всё-таки представляется богатой и великолепной моей личностью. / Самое главное, Фёдор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость

жизни и, если хочешь, её цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, — очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы её на вечность» (ПС 8, с. 87).

Прим. 23: «Сейчас последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко». См. С. 5 (1951), с. 496; С. 5 (1958), с. 538: «А.С. Макаренко имеет в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». В постановлении сказано: «Государство требует и рабочий класс поддерживает это требование, чтобы установленная законом продолжительность рабочего дня соблюдалась в точности и без всяких нарушений, чтобы там, где установлен восьмичасовой, семичасовой или шестичасовой рабочий день, работа производилась согласно закону, полных восемь, семь или шесть часов» (см. сборник «Трудовое законодательство». М.: «Профиздат», 1946. С. 87)». Указанное постановление явилось прологом к введению серии жестоких законов и подзаконных актов (1939 — май 1941 г.), резко ухудшающих положение трудящихся в СССР.

Прим. 26: «Даже Маркс считает, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде». См. док. № 18, прим. 16.

Прим. 27: «Флаги на башнях» — здесь нет ничего выдуманного, там описана только правда». Это типичная для макаренковских публичных выступлений 1936–39 гг. неискренность. См. также

комментарий в ПС 4, с. 395, пр. 11: «А.С. Макаренко подчёркивает реализм этой книги («Флаги на башнях»), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации».

Прим. 29: «Требования нашей партии — большие требования к человеку и коллективу». Здесь оратор публично отмежевывается от своей генеральной установки на неразрывное единство требования и уважения к человеку и, конечно, к коллективу в его макаренковском значении.

См. дикий и бессмысленный комментарий в ПС 4, с. 395, пр. 12: «А.С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природой». Никогда Макаренко таким положением не руководствовался. Только требование без уважения — это не марксизм-ленинизм, а сталинщина с её крепостническим самодержавием, всевластием работодателя-государства.

21. Доклад в Харьковском гос. педагогическом институте (09.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-187.

Прим. 1: «Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет». Симеон Григорьевич Макаренко, отец педагога-писателя, работал в ремонтных мастерских Южной ж.д. Последнее его место работы, Крюковские мастерские, лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

Прим. 2: «Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность помощника учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц». В действительности Макаренко 01.09.1905 г. был назначен учителем (а не помощником учителя) двухклассного ж.д. училища в Крюкове. О величине его заработной платы см. опровержение В.С. Макаренко (в письме от 03.02.1975 г. составителю данного издания): «Это ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн. ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин,

плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д., и т.д.». Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек брат А.С. Макаренко Виталий уже упоминал в своих воспоминаниях 1973 г. Подтверждение этой суммы содержится в воспоминаниях учителя Л.Т. Степанченко «Антон Семёнович Макаренко в моей жизни» (Кривой Рог, 1963), где сказано: «[...] ж.д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд по второму классу». (Хиллиг Г., Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, ОМ № 8, с. XX–XXI).

Прим. 3: «Вот 16 лет, с 1920 по 1936 г., я вёл один коллектив: колонию им. Горького и коммуны им. Дзержинского». См. док. № 5, прим. 20.

Прим. 4: «[...] там (в коммуне) уже было пятьдесят моих бывших горьковцев. А вслед за мной очень много, ещё сотня горьковцев тоже перешли в коммуны им. Дзержинского». По поводу числа переселенцев из колонии в коммуны см. док. № 5, прим. 21.

Прим. 5: «Ни одного письма учителя-ского по поводу этой книги («Марш 1930 года»), ни одной критической заметки». На самом деле известна одна рецензия на данное произведение: журн. «Худож. литература», 1933, № 4, с. 31–32 (Л. Гессен).

Прим. 6: «[...] Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить (я ему не посылал и он не знал, что я её (книгу «Марш 1930 года») написал) [...]». Вопреки этому предположению оратора, Горький всё же был в курсе дела. Уже в июне 1931 г. издательство по настоянию «пролетарского писателя» выслало ему рукопись «Марша». Ознакомившись с этим произведением, Горький неоднократно

обращался к председателю Госиздата А.В. Халатову с просьбой ускорить его публикацию (см.: Архив А.М. Горького, т. 10, кн. 1. М., 1964, с. 254). Макаренко, очевидно, не знал о таких усилиях своего покровителя.

Прим. 7: В письме от 17.12.1932 г. Горький писал: «Дорогой Антон Семёнович — / вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней». (Переписка, с. 72–73.) Экземпляр книги с отдельными подчёркиваниями и правками рукой Горького находится в личной библиотеке писателя (Музей А.М. Горького в Москве).

Прим. 8: «Сейчас я сдал в печать второй том («Кдр») [...]». См. док. № 18, прим. 6.

Прим. 10: «[...] Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф». Имеется в виду статья Ф. Левина «Четвёртая повесть А. Макаренко» (см. док. № 20, прим. 13), где рецензент пришёл к заключению: «Макаренко обнаруживает неумение создавать характеры, не говоря уже о типизации их. Он силён лишь как рассказчик о действительных событиях и людях и слаб как художник — творец синтетических образов» (с.154).

Прим. 13: «Последние семь лет коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчёте — это совсем не пустяк». Переход цехов на хозрасчёт коммуна начала лишь с 06.07.1932 г. (Вт.р., с. 30), т.е. в связи с передачей «секретных цехов» её производства в АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим. 9).

Прим. 27: «Как можно руководить 1200 детей, если нет картотеки! Это некуль-

турно, так руководят десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть картотека, учёт». С таким требованием по поводу эффективного руководства писателей Макаренко уже выступал на их общемосковском собрании в апреле 1937 г.: «Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учёт нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учёт. На таком учёте должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учёт, такой совершенный учёт по последнему слову техники должен быть в президиуме правления [...]». (GW 9. Ravensburg, 1978, с. 75).

Прим. 33: «Я вообще сторонник не только трудового воспитания, а [но. — Г.Х.] и производственного воспитания, и Маркс прямо об этом говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве». См. док. № 18, прим. 16.

Прим. 35: «Я с ним (Горьким) встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня». Это Макаренко утверждает также в статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.): «[...] прожил в ней три дня [...]». В колонию его имени Горький прибыл 08.07.1928 г. Но уже на следующий день из Кураяжа он отправился в коммуна им. Дзержинского.

Прим. 36: «Два раза был у него [...]». У Горького в Москве Макаренко был 21.09.1933 г. (передача рукописи «ПП») и во второй половине апреля 1934 г. (консультация по поводу пьесы «Мажор»); см.: Переписка, с. 172, 176.

Прим. 37: «[...] один раз в поезде приезжал вместе с ним [...]». 21.09.1934 г. Макаренко встречался с Горьким на его даче в Горках под Москвой, а с 23 по 25.09 сопровождал его в поездке в Тессели, Крым; см.: Переписка, с. 179.

Прим. 38: «[...] и ещё где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию». 17.05.1933 г. Горький прибыл из Италии в Одессу — окончательное его возвращение в СССР; см.: *Летопись жизни и творчества А.М. Горького*. Вып. 4, М., 1960, с. 295.

Прим. 39: «Самое важное, что я нашёл в нём (Горьком), — это большая вера в человека и большая требовательность к человеку. / Я считаю, что в этом смысле Горький — один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера». См. док. № 19, прим. 3.

Прим. 40: «[...] расстрел в нашей стране во все не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим; наверное с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев — вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку и наше уважение к коллективу и наши надежды, и нашу ненависть к врагам». Данное высказывание в советских изданиях трудов педагога-писателя в таком виде никогда не публиковалось. Для его оценки следует обратить внимание на то, что Макаренко эти чересчур острые слова сказал в присутствии неизвестной ему публики.

22. Выступление «Из опыта работы» на совещании учителей Ярославской железной дороги в Москве (29.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-188, лл. 16-33.

Прим. 1: «Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Групп совнархоза [Губсовнархоза. — Г.Х.]». Летом 1920 г. Макаренко временно работал в аппарате Полтавского губотдела наробраза заведующим секцией детских колоний (Центральный державный арх в вищих орган в владі Укра ни, 166-1-950, л. 43). Губнаробраз находился в здании Губсовнархоза.

Прим. 2: «Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий

главным образом из никотина и дыма. Обстановка была ужасная. Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был ударить куда угодно, даже к правонарушителям». Первый редактор стенограммы данного выступления А.Г. Тергефондян, сотрудник макаренковской лаборатории при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, дополнил в конце 1940-х годов соответствующее место высказывания докладчика таким образом: «Заниматься с детьми в таких условиях [...]» (РГАЛИ, 332-4-188, лл. 1, 16, 24). Так он закладывал основы для традиции советского макаренковедения: великий педагог до момента его перевода в колонию якобы работал учителем в одной из школ Полтавы.

Прим. 3: «Вот в 1936 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине». О стремлении Макаренко (в своих выступлениях московских лет) продлить срок работы в коммуне им. Дзержинского см. док. № 5, прим. 20.

Прим. 8: «Я теперь буду бороться за идею, что в нашей советской школе должно быть производство». К «еретическим» планам восстановления производительного труда школьников Макаренко возвращался и в предыдущих выступлениях (см. док. № 18, прим. 16; № 20, прим. 26; № 21, прим. 33). В настоящем докладе в присутствии уже известной ему публики эти мысли были уточнены и усилены: «в нашей советской школе должно быть производство».

Прим. 9: «Коммуна Дзержинского существовала восемь лет». «Дзержинка» работала и после 1935 г., когда Макаренко ушёл из коммуны. С начала 1939 г. эта «производственно-воспитательная база для правонарушителей» НКВД УССР была реорганизована

в промышленный комплекс и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского; см. многотиражку «Дзержинец» (Харьков), 1939, № 4. 20.01, с. 2.

Прим. 10: «[...] последние семь лет она (коммуна) покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли». О доходе производства коммуны им. Дзержинского см. док. № 2, прим. 29; № 17, прим. 20.

Прим. 11: «Человек-творец» — настоящая формулировка восходит к известному выражению римского историка Гая Саллюстия (Gaius Sallustius; 86—35 до н.э.) «Всякий человек есть творец своей судьбы». Затем это выражение использовалось и в трактовке «человек — творец своего счастья» и в более широком плане «человек-творец».

Прим. 18: «Только на 16-м году я нашёл у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация». См. док. № 7, прим. 12.

Прим. 19: «Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причём это не было злым умыслом, просто они не могли построиться». С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске (санаторий Курортно-санаторного управления им. М. Горького).

Прим. 24: «Последние 5 лет мне присылали школьников, которые в школе дошли, что называется, до ручки, и мне отдавали этих ребят в качестве братьев [бари-

нов. — Г.Х.]. / Эти дети, конечно, тяжелее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого — папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги». Имеются в виду руководящие сотрудники ГПУ/НКВД УССР.

Прим. 25: «Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. [...] Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры». Такое обращение к собственному опыту является плодом фантазии докладчика. А.Г. Тер-Гевондян на основании произвольной вставки Г.С. Макаренко в первую фразу («[...] военизированная школа в Крюкове; РГАЛИ, 332-4-188, л. 21.) «уточнил» данное сообщение следующим образом: «Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы»; С. 5 (1951), с. 318. Именно в таком виде данный эпизод включён во все советские издания трудов педагога-писателя. Впрочем, этот способ контроля за учащимися, их семьями, считается изобретением именно Макаренко и по сей день используется некоторыми школьными администраторами, причём не только (пост)советскими. **В.Ш**